

«Пришел, увидел, победил»,
или
Юлий Цезарь и римский миф

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, — не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!¹

Вергилий. Энеида

Какою пищей вскормлен Цезарь наш,
Что вырос так высоко?²

У. Шекспир. Юлий Цезарь

«Мы говорим — Цезарь, подразумеваем — Рим». Это утверждение усилиями бесчисленных биографов Цезаря, начиная от Плутарха и заканчивая Теодором Моммзенем, равно как и усилиями биографов Рима, от Тита Ливия до Гульельмо Ферреро, давно сделалось аксиомой и закрепилось в обыденном мировосприятии. Для этого мировосприятия история Рима как государственного, социально-политического феномена, «Вечного города» предельно мифологизирована и опирается на ряд перонажей, как сугубо мифологических, так и исторических, но переосмысленных с позиций мифологии: Ромул и Рем, Эней, Цезарь, Октавиан Август, Нерон, Калигула... И Цезарь в этом ряду занимает если не первое, то одно из первых мест как синоним Древнего Рима, его политической, военной и повседневной жизни, как олицетворение всего того «римского», что обычно вкладывается в это понятие.

¹ Здесь и далее перевод С. Ошерова.

² Перевод М. Зенкевича.

Подобное отношение к Цезарю окончательно сформировалось спустя много столетий после его гибели. Современники и ближайшие потомки (например, тот же Саллюстий) еще не отождествляли Цезаря с Римом, хотя и признавали его несомненные заслуги перед государством; впрочем, и сам римский миф сложился несколько позднее. Пожалуй, начатки сопоставления «Цезарь — Рим» можно обнаружить у таких античных авторов, как Аппиан и Плутарх. Эпоха Возрождения, когда Древняя Греция и Древний Рим «всплыли» из исторического небытия, тоже в значительной мере пренебрегала Цезарем как символом; если и воспринимала «славнейшего из Юлиев» символически, то в качестве образца тиранической власти. По словам видного отечественного исследователя С. Л. Утченко, «поистине каждая эпоха знала своего Цезаря. Для той эпохи, когда вдруг проснулся страстный и восторженный интерес к античности, для эпохи Возрождения, Цезарь не стал еще любимым героем. Данте избирает своим руководителем Вергилия, Петрарка преклоняется перед Цицероном и оживленно беседует с ним как с современником. Не блеск и победы римского оружия, не мощь и сложная организационная структура империи отвечали духовным запросам того времени, но диалоги Платона, резец Праксителя, ораторское искусство Демосфена и Цицерона и, наконец, нечто не очень ясно определяемое, но всем близкое и понятное, что последователи Петрарки — Колюччо Салютати и Леонардо Бруни — впервые обозначили заимствованным у Цицерона словом *humanitas*.

Так называемое второе Возрождение античности относят обычно к последней трети XVIII — началу XIX в. Оно непосредственно связано с Великой французской революцией, с ее предпосылками и ее итогами... Наступила эра действия, вставал вопрос о власти. Потому-то теперь вместо образа гуманиста, образа интеллектуала и мыслителя выступает на первый план фигура деятеля — политического, а если требует обстановка, то и военного вождя. На историческую сцену вызываются теперь духи совсем иных героев — по выражению Маркса, “все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь”. Цезарем, конечно, интересовался и не мог не интересоваться Наполеон, а его племянник даже написал трехтомный труд “История Юлия Цезаря”... Несомненно, как создатель мифа о Цезаре в европейской историографии должен рассматриваться Моммзен. Дело в том, что образ, или, лучше сказать, апология Цезаря, с необычайной силой и темпераментом развернутая в “Римской истории”, долгое время оказывала — да, пожалуй, и продолжает оказывать — большое влияние на всю европейскую историографию. Это не означает, конечно, что все последующие исследователи безоговорочно присоединились к Моммзену, но почти все воздавали должное яркости и “неотразимости” его характеристик, а тот, кто пытался дать иную оценку личности Цезаря, все же был вынужден в своей полемике отталкиваться от образа, созданного Моммзеном¹.

Итак, пара «Цезарь — Рим» утвердилась в XIX столетии, и ныне, повторимся, эти два имени воспринимаются едва ли не как синонимы. (Немалую роль в закреплении этой синонимии сыграл кинематограф: редкий фильм, посвященный

¹ Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., Мысль, 1972.

Древнему Риму, будь то драматический или даже комический, обходится без Цезаря — или, скажем так, хотя бы без тени Цезаря, незримо витающей над сюжетом.) Синхронистически данная синонимия безусловно является аксиомой, и потому, оставляя в стороне биографию Гая Юлия Цезаря (его жизнеописание см. в Приложении к настоящему изданию), мы позволим себе остановиться на собственно римском мифе и попытаемся понять, благодаря чему Цезарь стал символизировать Древний Рим для современного человека.

* * *

Мир был создан радениями и при непосредственном участии богов: они упорядочили изначальный Хаос, обуздали хтонические силы матери-Земли, сотворили людей — и удалились на Олимп вкушать заслуженный отдых, лишь изредка позволяя себе вмешиваться в людские дела. Старшее поколение героев продолжило дело богов — победило стихийных чудовищ, ввело в обиход различные культурные блага, установило социальные институты, основало первые города и исследовало окрестные земли. Так сложилась Ойкумена — освоенное античным человеком пространство.

Герои младшего поколения принялись делить освоенный и обустроенный мир, в котором становилось все теснее; и вот уже Семеро созывают свои дружины и выступают против Фив, а вожди ахейцев под началом «пространно-властительного царя» Агамемнона плывут покорять Трою... Разорением Трои завершилась героическая эпоха античности; Ойкумена приобрела, казалось бы, окончательный, стабильный вид.

Но промысел богов предполагал иное. Уничтоженная Троя была, если воспользоваться современной политической терминологией, одним из «полюсов силы» Средиземноморья (к этим полюсам относились — в различные периоды времени — такие «фиксаторы реальности», как Афины, Спарта, Фивы, Дельфы, Олимпия, Троя, Карфаген, Тир, Сидон, «баснословный Вавилон», быть может, Тартесс в Иберии). Утрата одного из полюсов вела к нарушению «системы стабильности», поэтому боги решили вмешаться в человеческие дела и возродить Трою — уже в новой, свободной от «кровавой скверны» земле.

Причем божественный «план» предусматривал, что новый город со временем станет величайшим городом Ойкумены, а его жители будут «главнейшим среди народов». Вергилий в «Энеиде» вкладывает в уста Юпитера, отвечающего на упреки Кифереи-Венеры, такие слова:

Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев.
Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены,
И до небесных светил высоко возвеличишь Энея
Великодушного ты. Мое неизменно решенье.
Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает
Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред тобою:

Долго сраженья вести он в Италии будет, и много
 Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет,
 Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит,
 Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится.
 Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне, —
 Илом был он, пока Илионское царство стояло), —
 Властвовать будет, доколь обращенье луны не отмерит
 Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских
 Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
 В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
 Полных трижды сто лет, пока царица и жрица
 Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
 После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
 Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
 Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
 Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
 Дам им вечную власть...

Именно римлянам, потомкам троянцев, предназначено богами возродить былую славу Трои, а могуществу Рима — оказаться могуществом «на все времена».

При сопоставлении римской мифологии с мифами других народов Средиземноморья обнаруживается любопытная деталь: у римлян отсутствуют космогонические сюжеты. Точнее, рассказ о сотворении мироздания у римлян замерло на рассказ об основании Рима. Крохотное латинское поселение приобрело тем самым космическое значение и из точки на карте Ойкумены превратилось в саму Ойкумену. Как писал Ж. Дюмезиль: «В эпоху расцвета римляне не имеют своей мифологии, и Дионисий Галикарнасский хвалит их за такую скромность воображения, которая защищает от святотатств и позволяет связать ритуалы с чистой и лишенной прикрас теологией. Но мы знаем, что первичное состояние было не таким, и следует говорить, что у “классических” римлян уже не было мифологии, точнее, божественной мифологии, поскольку предки сохранили для них целый ряд прекрасных преданий, с помощью которых к середине IV в. до н. э. эрудиты, озабоченные созданием городу славного прошлого, принялись составлять “историю от его основания”, предания, которые на уровне человека нередко соответствуют тому, что в Индии и Скандинавии рассказывается о богах. Короче говоря, римская история от основания города заменяла мифологию людям, для которых все ценности определялись их городом, и ни окружающий его мир, ни времена, которые ему предшествовали, не представляли особого интереса».

Не мир ужаслся до пределов города, как было в Вавилоне, но город охватил собой весь мир. Пламя пожара, погубившего Трою, из которой бежал «родоначальник Эней», было одновременно пламенем мирового пожара, уничтожившего прежнее мироздание и очистившего его от скверны. Из этого пламени, подоб-

но фениксу, возник новый, Вечный город, наследник Трои и «зиждатель устоев и мерило ценностей» — как себе, так и Ойкумене в целом.

Первоначальное изложение римского мифа встречается в текстах III–II вв. до н. э., однако в целостном виде этот миф дошел до нас в изложении современников императора Октавиана Августа — Тита Ливия и Вергилия. «Энеида» последнего повествует о «новом миротворении» — от гибели Трои до обретения «обетованной италийской земли»; «История Рима от основания города» первого рассказывает об упорядочении и обустройстве «новонайденного» мироздания.

Традиция, «привязывавшая» Энея к Италии в целом и к Риму в частности, бытовала на Апеннинском полуострове достаточно продолжительное время: археологические раскопки в Этрурии позволили обнаружить, в частности, этрусские фигурки, изображающие Энея с отцом Анхисом на плечах и относящиеся к VI–V вв. до н. э. В самом Риме, как писал Г. Ферреро, «принятая римским сенатом легенда об Энее постепенно разветвилась; многие знатные римские фамилии, в том числе род Юлиев, относили свое происхождение к легендарным спутникам Энея; основная легенда и вышедшие из нее второстепенные так прочно вошли в мифическую традицию доисторического Рима, что никто не осмеливался отвергать их». Именно поэтому Вергилий, мечтавший создать национальную латинскую поэму, «Илиаду» и «Одиссею» в одном лице, обратился именно к легенде об Энее. Впрочем, по словам того же Г. Ферреро, Вергилий не ограничился передачей легенды «в том виде, какой ей придала традиция; он изменяет ее, расширяет, пользуется ею, чтобы выразить под литературными формами, заимствованными из чисто греческих источников, великую национальную идею своей эпохи — идею, что религия была основой политического и военного величия Рима; идею, что историческая роль Рима была — соединив вместе Восток и Запад, взяв у Востока священные обряды и верования, а у Запада политическую мудрость и воинскую доблесть, в том, что Рим должен быть одновременно столицей империи и священным городом... Эней не должен был быть человеческим героем гомеровских поэм, насильственным или хитрым, смелым или благоразумным, наивным или лживым, которого боги любят и защищают из любви к нему. Он должен быть символическим лицом, своего рода религиозным героем, которому боги, или по крайней мере часть богов, доверили миссию отнести воинственной расе Лация культ, который сделает Рим владыкой мира, и которому боги покровительствуют вследствие своих отдаленных видов на историческую судьбу народов».

В «Энеиде» действительно неоднократно упоминается о благочестии Энея и о том, что перед бегством он забрал из Трои домашних родовых богов — пенатов, чтобы «поселить» их в новом городе. В VIII книге «Энеиды» Вергилий описывает символическую встречу «Востока и Запада»: италийский бог реки Тибр признает право Энея обосноваться в Италии и выражает почтение «чужеземным богам»:

Тут среди тополей, из реки поднявшись прекрасной,
Старый бог этих мест, Тиберин, явился герою;

Плащ голубой из тонкого льна одевал ему плечи,
 Стебли густых тростников вокруг влажных кудрей обвивались.
 Так он Энею сказал, облегчая заботы словами:
 «Славный потомок богов! От врагов спасенную Трою
 Нам возвращаешь ты вновь и Пергам сохраняешь навеки.
 Гостем ты долгожданным пришел на Лаврентские пашни,
 Здесь твой дом и пенаты твои — отступить ты не должен!
 Грозной войны не страшись: кипящий в сердце бессмертных
 Гнев укротится, поверь.
 Думаешь ты, что тебя сновиденье морочит пустое?
 Знай: меж прибрежных дубов ты огромную веприцу встретишь,
 Будет она лежать на траве, и детенышей тридцать
 Белых будут сосать молоко своей матери белой.
 Место для города здесь, здесь от бед покоя обретишь ты.
 Тридцать кругов годовых пролетят — и Асканий заложит
 Стены, и городу даст он имя славное — Альба...»

Победив рутульского царя Турна, Эней стал правителем Лация. Его сын Асканий (Юл) основал город Альба Лонга, на месте которого четыреста тридцать лет спустя возник Рим.

«Замещение» Энея как основателя и родоначальника Асканием — позднейшее явление, связанное с тем, что именно к Асканию (Юлу) возводили свой род представители рода Юлиев, в том числе Юлий Цезарь и Октавиан Август. Поскольку же традиционные даты падения Трои (1184 г. до н. э.) и основания Рима (754 г. до н. э.) слишком далеко отстоят друг от друга, для того чтобы оказаться в границах одной человеческой жизни, пускай даже это жизнь сына Афродиты-Венеры и потомка по отцовской линии самого Зевса-Юпитера, — римская мифологическая история ввела «в обиход» царей Альба Лонги; внучатые племянники одного из этих царей, Амулия, и признавались как «исторические» основатели Рима — Ромул и Рем.

В «Истории» Тита Ливия о предназначении Энея и его роли в судьбе Рима упоминается вскользь; более того, Ливий подчеркивает, что не считает историю Энея заслуживающей доверия: «Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности». Зато история Ромула и Рема признается Ливием вполне достоверной, и он излагает ее весьма подробно.

Как уже говорилось, многие современные специалисты вслед за Ж. Дюмезилем признают отличительной особенностью римской мифологии «подмену» деяний богов деяниями людей, собственно мифологию — «историзированной» мифологией. Миф о Ромуле и Реме представляет собой характерный образец такой подмены. В нем обнаруживаются древнейшие мифологические мотивы — прежде всего мотив близнецных мифов, для которых свойственно противопоставление братьев-близнецов, и мотив основания города героем-эпонимом. В то же время Ромул, согласно сочинениям римских авторов, считался реальным историческим лицом; в Риме показывали «хижину Ромула» и «гробницу Ромула», а также смоковницу на холме Руминал, под которой волчица кормила Ромула и Рема, и священный дуб на Капитолийском холме — этому дубу Ромул совершил первое жертвоприношение как правитель Рима: «Возвратившись с победоносным войском, Ромул, великий не только подвигами, но — не в меньшей мере — умением их показать, взшел на Капитолий, неся доспехи убитого неприятельского вождя, развешенные на остоле, нарочно для того изготовленном, и положил их у священного для пастухов дуба; делая это приношение, он тут же определил место для храма Юпитера и к имени бога прибавил прозвание: “Юпитер Феретрийский, — сказал он, — я, Ромул, победоносный царь, приношу тебе царское это оружие и посвящаю тебе храм в пределах, которые только что мысленно обозначил; да станет он вместилищем для тучных доспехов, какие будут приносить вслед за мной, первым, потомки, убивая неприятельских царей и вождей”» (Ливий). Дюмезиль называет Ромула италийским «эквивалентом» ведийского Варуны — бога истины и справедливости, «царя-вседержителя», сотворившего мир и удерживающего его в равновесии.

В описании Ливия Ромул предстает не столько историческим лицом, сколько культурным героем. Ромул исчислил свой народ и разделил его на трибы, курии и центурии; он обмерил поля и распределил земли между культом, государством и народом. Из народа он выделил благородных и горожан; из первых он составил сенат, а с первыми должностями в государстве соединил исполнение священных жреческих обрядов. «Было избрано войско всадников, составивших в позднейшие времена своего рода среднее сословие между сенатом и народом, а оба этих основных сословия еще теснее были связаны между собою отношениями патронов и клиентов. У этрусков Рим позаимствовал ликторов с фасциями и секирой — страшными знаками верховной власти, позднее приданными, не без некоторых различений, всем высшим чиновникам, согласно кругу их обязанностей» (И. Г. Гердер). Ромул изгнал из Рима чужих богов, чтобы только собственный бог Рима хранил город; он учредил авгурии и прочие гадания. Он определил отношения между мужем и женой, отцом и детьми, навел порядок в городе, устраивал триумфы. Иными словами, Ромул устранил социальный хаос и наделил Рим первыми законами. Поэтому предлагаемое Дюмезилем сопоставление Ромула с ведийским Варуной представляется вполне оправданным: как Варуна есть воплощение мирового порядка, так Ромул — воплощение порядка для города, объемлющего мир.

Дюмезиль видит «приземленную божественность» и в преемниках Ромула на троне — легендарных царях Древнего Рима. Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Старший, Сервий Туллий, Тарквиний Гордый — все они, по Дюмезилю, суть божественные функции в исторической перспективе: «Ромул и Нума создают политические институты и культы; Тулл Гостилий вовлекает римлян в военную науку; Анк Марций прибавляет к этому наследству торговое обогащение и демографический рост; после него Рим завершен и готов служить оружием великих замыслов этрусских царей».

«Латентная божественность» Ромула получает подтверждение вскоре после таинственного исчезновения основателя города на 38-м году царствования. Возмущенный народ уже требовал у сенаторов ответа за смерть Ромула, но тут Ромул явился некоему Юлию Прокулу и, как передает Плутарх, сказал: «Богам угодно было, Прокул, дабы мы, прожив долгое время среди людей и основав город, с которым никакой другой не сравнится властью и славою, снова вернулись на небеса, в прежнее наше обиталище. Прощай и скажи римлянам, что, совершенствуясь в воздержанности и мужестве, они достигнут вершины человеческого могущества. Мы же будем милостивым к вам божеством — Квирином».

Этот Квириин входил, наряду с Юпитером и Марсом, в древнейшую триаду божеств римского пантеона. Юпитер повелевал небом, грозами и плодородием, Марс ведал воинскими делами, а в ведении Квирина находилась «социальная сфера». Квириин считался богом-покровителем народного собрания; отсюда самоназвание римлян — «римский народ квиринов». В отождествлении Ромула с Квирином — начатки римского мифа: жители Вечного города избраны богами и являются людьми исключительной добродетели, поскольку живут по законам, заповеданным божеством.

Как писала Е. М. Штаерман, «когда, каким образом, в какой последовательности, из каких компонентов создавался “римский миф”, установить трудно за отсутствием соответствующих источников». Тем не менее исследователи, как правило, выделяют в этом мифе три составляющие: первая — мифы о богах и их «медиаторе» Энее; вторая — предания о римских царях, от Ромула до Тарквиния Гордого; и третья — республиканские мифы, повествующие «о тех, кто во имя величия Рима, а не личной славы совершал невиданные подвиги, отдавал свои способности, свою жизнь и жизни детей на службу Риму».

Республиканские мифы многочисленны: среди них история Горация Коклеса, в одиночку удерживавшего мост через Тибр, дабы товарищи успели укрыться за крепостными стенами; история Муция Сцеволы, положившего руку в огонь, чтобы показать, что римлянин не боится боли; история о гусях, своими криками спасших Рим; история Курция, добровольно бросившегося в разверзнувшуюся в земле трещину, которая, приняв жертву, тут же закрылась, и многие, многие другие. Если попытаться свести эти мифы воедино, к некоей общей схеме, мы обнаружим три фундаментальных принципа, на которых зиждется римский миф, три чувства долга: религиозный долг, воинский долг и гражданский долг, причем они тесно взаимосвязаны (можно сказать, здесь вновь проявляется «земное вопло-

шение» функций божественной триады Юпитер — Марс — Квирин). По Титу Ливию, величие Рима в веках обеспечила римская доблесть (*virtus romana*), объединяющая в себе справедливость (*justitia*), верность (*fides*), мужество (*honor*), умеренность (*moderatio*) и благочестие (*pietas*). «Бессмертным, — писал Ливий, противопоставляя римлян этрускам и македонянам, — любезны благочестие и верность, коими достиг своего величия римский народ».

Окончательное оформление римского мифа произошло в годы правления первого римского императора Октавиана Августа, когда были написаны и «Энеида», и стихи Проперция и Горация, и «История Рима от основания города», и многие другие «мифологические» произведения. Как писал известный отечественный историк античности С. А. Ковалев, в годы правления Августа «центральной идеей исторических, литературных и пластических произведений была идея величия Рима. В это время и создались легенды о происхождении римлян и возникновении города Рима, ставшие предметом поэтических и историко-публицистических обработок».

Эпоху Августа считали вторым «золотым веком» римской истории (первый был в доисторические времена, при Сатурне — по греческим мифам и при Сатре — по мифам этрусков). Как писал в «Буколиках» Вергилий:

Круг последний настал по вешанью пророчицы Кумской,
Сызнава ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство,
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка
При консулате твоём тот век благодатный настанет,
О Поллион! — и пойдут чередою великие годы¹.

Эта же тема звучит и в «Энеиде»:

Вот Цезарь и Юла потомки:
Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,

¹ Перевод С. Шервинского.

Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья.

Август — не только верховный понтифик и «сын причисленного к лику богов Цезаря»; он также — Отец отечества (*Pater patriae*). В нем воплотилась римская доблесть, он достойно завершил провиденциальную миссию Энея и стал средоточием Рима, как сам Рим — средоточием Ойкумены. При нем

...бродит вол покойно среди полей,
Обильные плоды Цереры край питают,
И плаватель летит вдоль стихнувших морей
И честь наветы не пугают.
Разврат не стал домов почтенных осквернять,
Порок преследуем законами и мненьем,
А кара рядом с преступленьем.
И сходством чад своих гордиться может мать,
Про скифов и парфян и знать мы не хотим,
Сурового никто германца не боится:
Ведь Цезарь между нас, могуч и невредим, —
Так кто ж иберца устрашится?
Всяк в винограднике проводит день своим,
К сухому дереву побеги лоз склоняя,
И, отойдя к вину, с отрадой за столом
Тебя с богами поминает¹.

При наследниках Августа на троне Римская империя достигла зенита своего могущества. Римский миф из историко-поэтической концепции превратился в политическую доктрину, своего рода «кредо империи». И величия этого кредо не поколебал даже крах империи, вызванный многочисленными внутренними проблемами. Частые смены императоров, восстания, гражданские войны, экономические кризисы, принятие христианства в качестве официальной религии, распад империи на Западную и Восточную — римский миф благополучно пережил все эти потрясения. Как писал римский историк Аппиан: «Держава римлян величиной и счастьем выделилась из всех благодаря благоразумию и умению считывать обстоятельства времени, в приобретении этого могущества они превзошли всех своей доблестью, выдержкой и упорством, не увлекаясь при счастливых обстоятельствах, пока твердо не укрепляли своей власти, и не падая духом при несчастьях: в иной день у них гибли двадцать тысяч человек, в другой — сорок, а в иной и пятьдесят. И часто им грозила опасность потерять самый Город, и ни голод, ни постоянные болезни, ни внутренние волнения, а иногда и все это

¹ Гораций. Оды. Перевод А. Фета.

вместе взятое не отклонило их от жажды почестей, пока в течение семисот лет, перенося беды и подвергаясь опасности, они мало-помалу не подняли свою власть до теперешнего могущества и приобрели счастье благодаря благоразумию».

Духовными наследниками Рима и выразителями «римского мифа» считали себя многие европейские государства — и Византия («Константинополь — второй Рим»), и империя Карла Великого, и Священная Римская империя германского народа. Все они обращались к античным образцам как к идеалам, которым надлежит следовать в современности. Не обошло римское влияние и Россию. Известно, что Петр Первый принял в 1721 г. титулатуру, которая прямо возводилась к «золотому веку» Августа: с этого времени российского самодержца стали именовать «императором», «великим» и «отцом отечества». На русской почве прижилась и историософская идея «многих Римов», выстраивавшая прямую последовательность: Рим — Константинополь (Царьград) — Москва.

«Правители приходят и уходят, а Рим остается». Эта мысль, сформулированная одним из римлян, которому выпало жить в эпоху непрерывно сменявших друг друга «солдатских императоров», как нельзя лучше выражает суть «римского мифа». Образ Вечного города, движущегося сквозь толщу веков, стал кульминацией античной мифологии. Город, вместивший в себя весь мир и сам этот ставший миром город, в котором одновременно существуют прошлое, настоящее и будущее; город вне времени и пространства. Пожалуй, с мифологемой Рима как Вечного города может соперничать разве что более поздняя мифологема Иерусалима — как города земного и небесного. Рим — символ империи как социокультурного феномена, эмблема имперского размаха, безграничных устремлений и грандиозных свершений. Иерусалим же (в «ипостаси» небесного города) есть святой город, место общения людей с Божеством, проекция церкви — «невесты Христовой». Кстати сказать, в парадигме городов-символов Иерусалим как символ неба и рая противопоставляется не Риму, а Вавилону — олицетворению порока и мирской тщеты.

Рим — вечен, и вечен римский миф, ибо, по Редьярду Киплингу:

Времени очи безгневны,
Поступь тверда:
Словно цветы, однодневны
Силы и Города.
Гибнут престолы, но снова,
Травам под стать,
Город из праха земного
Жаждет восстать!¹

¹ Перевод Р. Дубровкина.

* * *

Образ Цезаря, созданный далекими потомками, образ выдающегося полководца и «отца солдатам», мудрого государственного деятеля (ключевое слово — «государственного») и политика, озабоченного в первую очередь сохранением того, что делало Рим Римом, — этот образ удивительно гармонирует с римским мифом о Вечном городе, обнявшем и объемлющем Ойкумену. Подобно самому Риму, мифологизированный Цезарь вобрал в себя весь мир и сделался его олицетворением, а поскольку мир есть Рим, то Рим есть Цезарь.

По замечанию С. Л. Утченко, который ссылается на Т. Моммзена, «Цезарь — беспримерный творческий гений. Он великий полководец, оратор, писатель, но все эти свойства вторичны, дополнительные, всем этим он стал только потому, что был в первую очередь и в полном смысле слова государственным человеком. Основная же особенность его государственной деятельности и его личности — полнейшая гармония. Потому ему и удавалось то, что было недоступно другим политическим деятелям: сплочение под своей властью самых разнородных элементов и “коалиций”, т. е. проведение надсословной, надклассовой политики, результатом которой было возрождение как эллинской, так и римской нации. Его цель — восстановление древней царской власти; одновременно он сумел сохранить верность своим юношеским идеалам демократии. Но и это еще не все: Цезарь оказывается — благодаря завоеванию Галлии, романизации западных народов — родоначальником всей современной европейской цивилизации. Он — идеальный монарх (надклассовые и демократические основы власти), он... так действовал и творил, как ни один смертный ни до, ни после него, “и как работник и творец живет еще после многих веков в памяти народов — первый и в то же время единственный император Цезарь”».

Именно такое отношение к Цезарю и породило синонимию «Цезарь — Рим». Насколько она справедлива? Ответ на этот вопрос очевиден, но нельзя не признать: мифологизация «божественного Юлия» и его приобщение к римскому мифу в немалой степени способствовали тому, что Древний Рим не превратился в историческо-культурную окаменелость и по-прежнему жив.

Кирилл Королев

В настоящее издание включены все тексты так называемого Corpus Caesarianum («Цезарева корпуса»), написанные как самим Цезарем, так и его продолжателями. В Приложении публикуются статьи академика М. М. Покровского о жизни Цезаря и военном деле римлян, жизнеописание Цезаря, составленное Плутархом, а также отдельные главы из исторических исследований Т. Моммзена и Г. Ферреро. Все тексты публикуются в современной орфографии.

КНИГА ПЕРВАЯ

География Галлии (1). Поход против гельветов (2–29). Поход против Ариовиста (30–54)

1. Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от белгов — Матрона и Секвана. Самые храбрые из них — белги, так как они живут дальше всех других от Провинции* с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана, и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна белгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна белгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до Нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

2. У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Мессалы и М. Пизона*, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они ото-

всюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой — очень высоким хребтом Юрой — между секванами и гельветами, с третьей — Леманнским озером* и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинственные, они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

3. Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, скупить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их Народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталета, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул друга римского народа, захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуа Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов.

4. Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами* они заставили Оргеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Оргеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Оргеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

5. После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города* числом до двенадцати, села числом около четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, — с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей — рауриков, тулингов и латовиков — сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею.

6. Было вообще два пути, по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный — через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как и между гельветами и недавно покоренными аллоброгами* течет река Родан, в некоторых местах проходима вброд. Самый дальний от нас город аллоброгов в ближайшем соседстве с гельветами — Генава. Из этого города идет мост в страну гельветов. Они были уверены в том, что либо уговорят все еще не примирившихся с римской властью аллоброгов или же заставят силой дать свободный проход через их землю. Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских календ, в год консульства Л. Пизона и А. Габиния*.

7. При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклетий. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо*, то он не считал возможным согласиться на их проход: он понимал, что люди враждебно настроенные в случае разрешения пройти через Провинцию не воздержатся от причинения вреда и насилий. Одна-

ко, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил по-сламу, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать: если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским идам.

8. Тем временем при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родан, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров*. По окончании этих сооружений он расставил вдоль них посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотках, отчасти вброд, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказать от их попыток.

9. Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гельветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг благодаря своему личному авторитету и щедрости имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гельветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно больше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий.

10. Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдуев в страну сантонов, лежащую недалеко от области толосатов, которая находится уже в Провинции. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебородной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабиена*, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовав-

ших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кетроны, грайокелы и катуриги, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг — от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела — области воконтиев в Дальней Провинции. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов, а от них — к сегусиavam. Это — первое племя за Роданом вне Провинции.

11. Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать от них себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: эдуи, говорили послы, при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать — почти что на глазах римского войска! — опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов. Единовременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры известили Цезаря, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. Также и аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них не осталось ничего, кроме голой земли. Все это привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

12. По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арар. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельветы переправлялись через нее на плотах и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Арара, он выступил из лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах. Этот паг* назывался Тигуринским (надо сказать, что весь народ гельветский делится на четыре пага). Это и есть единственный паг, который некогда на памяти отцов наших выступил из своей земли, убил консула Л. Кассия и его армию провел под ярмо. Таким образом, произошло ли это случайно или промыслом бессмертных богов, во всяком случае та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Пизона, деда Цезарева тес-тя Л. Пизона.

13. Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Араре мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение поразило гельветов, так как они увидели, что он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в двадцать дней. Поэтому они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научились тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии.

14. Цезарь дал им такой ответ: он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое сослались гельветские послы, и тем более им огорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы римляне сознавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным. Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменной судьбы было тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдую за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллоброгов, то он согласен на мир с ними. Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и не давать их; этому сам римский народ свидетель. С этим ответом он удалился.

15. На следующий день они снялись отсюда с лагеря. Цезарь сделал то же самое и для наблюдения над маршрутом неприятелей выслал впе-

ред всю конницу, числом около четырех тысяч человек, которых он набрал во всей Провинции, а также у эдуев и их союзников. Всадники, увлекшись преследованием арьергарда, завязали на невыгодной позиции сражение с гельветской конницей, в котором потеряли несколько человек убитыми. Так как гельветы всего только с пятьюстами всадников отбросили такую многочисленную конницу, то это сражение подняло в них дух, и они стали по временам смелее давать отпор и беспокоить наших нападениями своего арьергарда. Но Цезарь удерживал своих солдат от сражения и пока ограничивался тем, что не давал врагу грабить и добывать фураж. И вот обе стороны двигались около пятнадцати дней так, что расстояние между неприятельским арьергардом и нашим авангардом было не больше пяти или шести миль.

16. Между тем Цезарь каждый день требовал от эдуев хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата, не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гельветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду. Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдуев вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что, когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают, а между тем он решился на эту войну главным образом по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

17. Только тогда, после речи Цезаря, Лиск высказал то, о чем раньше молчал. Есть известные люди, говорил он, очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба: раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдуев так же, как и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.

18. Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака, но, не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глазу на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откупу пошлины и все остальные государственные доходы эдуев за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился, и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуритов, сам взял себе жену из племени гелльветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гелльветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиаку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гелльветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуями Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице.

19. Эти сообщения давали Цезарю достаточное основание покарать его или самолично, или судом его сограждан, так как к указанным подозрениям присоединялись вполне определенные факты, именно, что он перевел гелльветов через страну секванов, устроил между ними обмен заложниками, что он все это сделал не только против воли Цезаря и своего племени, но даже без их ведома и что, наконец, в этом его обвиняет представитель высшей власти у эдуев. Но было одно серьезное препятствие. Цезарь знал, что брат Думнорига Дивитиак отличается великой преданностью римскому народу и расположением лично к нему и что это — человек в высшей степени верный, справедливый и разумный: его-то и боялся Цезарь обидеть казнью Думнорига. Поэтому, прежде чем принять какие-либо меры, он приказал позвать к себе Дивитиака,

СОДЕРЖАНИЕ

К. Королев. «Пришел, увидел, победил», или Юлий Цезарь и римский миф	5
ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ	17
ЗАПИСКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ	181
АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ВОЙНА. АФРИКАНСКАЯ ВОЙНА. ЗАПИСКИ ОБ ИСПАНСКОЙ ВОЙНЕ	
Александрйская война	289
Африканская война	323
Записки об Испанской войне	363
Приложения	
<i>Плутарх</i> . Цезарь	383
<i>Теодор Моммзен</i> . Старая республика и новая монархия	427
<i>Гульельмо Ферреро</i> . Величие и падение Рима (главы из книги)	
Красс, Помпей и Цезарь от 70 до 60 года до Р. Х.	524
«De Bello Gallico» и «De Republica»	529
Иды марта	541
Война с гелльветами и свевами	553
<i>М. М. Покровский</i> .	
Юлий Цезарь	570
Военное дело у римлян во времена Цезаря	585
Таблица перевода дат из римского календаря в современный	595
Примечания	598